

10.00

Часы пробили десять.

Все приглашения были готовы. Оставалось подписать последний конверт, адресованный Питу Ван Саалу, его самому близкому другу. Но какая-то непреодолимая сила мешала сделать это. Будто свинцовые когтистые лапы стиснули плечи и не позволяли выполнить, что должно.

Поддавшись обволакивающей слабости, он долго сидел, откинув голову на спинку вращающегося кресла. Затем с улыбкой открыл глаза. И медленно, словно пытаясь обмануть усталость, снова склонился к столу. Настороженно оглянулся по сторонам, как человек, который замыслил что-то дурное, и взялся за перо. Но смог вывести только «S» от слова *Señor*. Тонкую и элегантную «S», похожую на крюк для туш в мясной лавке. И повесил на этот крюк свою бессильную плоть и свою недовольную душу.

Оп Олооп в очередной раз убедился в невозможности предать самого себя. Правило гласило: «ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПИСЬМА С СЕМИ ДО ДЕСЯТИ».

Если жизнь — это уравнение, математические рамки становятся непреодолимыми. Он был попросту неспособен на импровизацию за пределами заранее установленных для себя норм, даже на ничтожнейший графический экспромт, состоявший в том, чтобы дописать имя и адрес на конверте.

«Скажу ему лично», — успокоил он себя.

Неумолимый палач всего незапланированного, Оп Олооп являл собой живое олицетворение метода. Метода, ставшего глаголом. Метода, загнавшего глубоко внутрь все мечты, чувства и порывы. Метода практически овеществленного, избегающего волнений духа и прихотей плоти. Как нарушить его ритмичное биение? Как прервать его привычное течение?

«Бесполезно. Мне никогда не обрести свободы. Привычка взрастила во мне жестокосердную тиранию. Я всего лишь хотел сделаться лучше, обрести величие, начав с малого, уподобиться крошечным сокровищам эпохи Возрождения, плодам трудолюбивого терпения, несущим отпечаток живой интуиции и истинной прозорливости. А в результате обрек себя на бессмысленную муштру через горькое и беспощадное самоограничение. Я превратил свой дух в точнейший хронометр, снабженный будильником и светящимся циферблатом... Провал моей «точной» методы открывается мне со всей очевидностью на каждом шагу. И я страдаю от невозможности одолеть себя, совладать с недостойным произведением искусства, готовым удушить и малейшие угрызения совести, и сильнейшие страсти. И пусть во мне зреет бунт, еще вчера робкий, а се-

годня неудержимый, и желание перепахать горемычное поле моих идей, — все тщетно. Я сам кастрировал в себе стремление стать чем-то, чем-то значимым в устройстве этого мира! И превратился в опухоль, живую боль, часами ноющую под кожей, живую покорность самому себе».

Он не говорил вслух. Его голос был обращен внутрь, к скорчившемуся в его сознании *daimon**.

В комнату вошел *valet*:

— Сеньор, позвольте напомнить, что сегодня, в воскресенье, в десять часов тридцать минут у вас запланированы турецкие бани. Если вы хотите успеть вовремя, до выхода остается всего несколько минут. Вызвать такси?

— Этого еще не хватало! Я уже говорил вам, что никогда ничего не забываю. Машина заказана. Вручите сегодня же эти письма их адресатам.

Слуга поспешно склонил голову в привычном поклоне, стукнув подбородком о грудь. Затем, съевшись, протянул хозяину шляпу, трость и перчатки.

Некоторые люди узнают, какое сегодня число, по трамвайным билетикам, банковскому уведомлению об оплате или календарю в лавке, где им бесплатно заправляют перьевые ручки. Но Оп Олоп был не из таких. Его дом представлял собой оживший ежедневник, строго упорядоченную картотеку, собрание дат и цифр. Стены пестрели клас-

* Даймоний (*англ.*) — философское понятие, восходящее к Платону и Ксенофону. Совесть и способность предвидеть последствия.

сификационными таблицами, статистическими картами и цветными диаграммами. Каждый шкаф служил вместилищем данных и отчетов, сведений об исследованиях и опытах. Каждый ящик, каждая полка оберегали все, что было дорого его памяти. И даже в карманах Опа Олоопа лежали выписки по результатам глубоких изысканий.

Единородный сын метода и упорства, Оп Олооп был самой совершенной человеческой машиной, самым выдающимся плодом самодисциплины, которого только знал Буэнос-Айрес. Привычка с отрочества сличать и упорядочивать все основополагающие явления мироздания и мельчайшие промахи света самовыражение системы к минимуму, к обожествлению иерархии метода, ведь величие метода являет себя в его превосходстве над всем ничтожным!

Оп Олооп вышел.

Естественность и опрятность.

Задержавшись у зеркала в прихожей, он оценил свой вид, поправил шляпу и убедился в чистоте лацканов. На фоне коричневого ансамбля выделялись матово-белая кожа и табачного цвета глаза. И тремя звездами блестели пронизательные зрачки и жемчужная булавка на темно-красном галстуке.

Он оглянулся на свой рабочий кабинет. Легкий сквозняк проникал в комнату через заостренную арку открытой двери на балкон. Утро в полном разгаре. Любопытное праздничное солнце. Взгляд скользнул по массивным книжным шкафам, колон-

нам картотечных ящиков, рамам счет и дыроколам, выделявшимся на фоне спокойно-серых стен, занавесок и ковров. Это зрелище успокаивало, придавало уверенности и уравнивало. Оп Олооп решительно кивнул. Все пребывало в порядке. Его напряженный труд был бы попросту невозможен в пустых и изнеженных модных интерьерах, где безразличная лень праздно проводит время в ортопедических креслах, любуясь роскошными переплетами без текста, поверхностно-напыщенной ковкой Эдгара Брандта и пронзенными астрами вазами Рене Лалика.

Уже сидя в машине, он продолжил размышлять об этом, и его мысль устремилась ввысь. Сам того не замечая, он преисполнился пафоса:

«О эти великие князья, богатые наследники и верховные жрецы наших дней... Пресытившиеся кумовством, скукой и юными девами... Не познавшие усталости от труда, благородных порывов... Не ведающие ни героизма, ни насилия, ни жестокости... Они размякли от вседозволенности, богатства и чванства... Всего, что сыплется к ним «сверху», от Бога: золотых колыбелек и блюдечек с каемочками... И того, что приползает к ним снизу: лакеев с поясницей на шарнирах, рабочих с увитыми веннами мышцами и старых дев с их жирными ласками, напудренной сладостью и шелково-приторной потасканностью!..»

Жизнь состоит из схем. Мы чертим их в воздухе, на земле, в воде и на всем, что нас окружает, спутным следом, бороздой в поле, кильватерной струей,

написанными словами. Повесы, чьи схемы составлены кольцами дыма, ритмом танца и противоестественными спортивными упражнениями, были Опу Олоопу абсолютно безразличны. Если бы вместо этих никому не нужных схем люди занялись подсчетом зонтиков, которые теряются в летних кафе, случаев двоеженства или аппендицита, запятых, мешающих толкованию кодексов, их труд, по крайней мере, позволил бы установить нормы расчета вероятности отклонения от средних значений. Впрочем, не все приходят в этот мир исполненными Божественного огня, не все умеют приносить пользу на своем месте. Есть люди, которые не занимаются ничем, кроме как построением схем из собственной ничтожности. Но не таков был Оп Олооп. Он носил дождевик, но при этом знал, сколько теряется зонтиков, был холост, но изучал положения международного права касательно двоеженства, отличался хорошим здоровьем, но читал устаревшие и современные теории об аппендиците и, слегка презирая юристов, был осведомлен о том, какое количество запятых вызывает горячие споры у любителей латыни и герменевтики.

Машина затормозила напротив бань.

Дальнейшее может показаться ложью, но это не так. Одинокая жизнь самых развитых представителей своего вида всегда протекала в железных объятиях рутины. Императивы обрекли несчастного Канта на вечное скитание по пивным его городка; микробы заставили несчастного Пастера довольствоваться незамутненным одиночеством

пастеризованного молока; изобретения погрузили несчастного Эдисона в мир бессонницы и глухоты. Величие духа обрекает плоть на неизбежные клише. Сон, отдых, еда приобретают математический характер. И дневные часы, безвозвратно отданные на откуп этим не меняющимся удовольствиям, функциям и событиям, тонут в чувстве долга. Чем дальше острый ум погружается в неведомое и абстрактное, тем больше материальное загоняется в подвал привычки.

10.40

Ровно в десять часов сорок минут тело Опа Олопа в легкой набедренной повязке на чреслах вышло из раздевалки и направилось в *sudatorium*.

Всегда улыбчивая и гибкая, не забывающая о чаевых прислуга склонялась на его пути. Слуги подобны резчикам по дереву: снимая стружку со своих клиентов, они думают лишь о конечном результате. Впрочем, он действительно ценил их. Стоило ему пройти через вестибюль и скрыться в *apodyterium*, как они начинали кучковаться поблизости. А он вещал:

— Когда-нибудь я воздвигну себе достойный дом с самым великолепным убранством, подобный вилле Плиния Младшего в Лаврентинуме. И тогда я возьму одного из вас себе в помощники. Я привезу туда массажиста из *Maison de Bain*, что на улице Каде в Париже, парфюмера из хамама на первом бульваре квартала Пера, в который я частенько захаживал в Стамбуле, и американского инженера из больших бань в Вальпараисо. Другие владельцы особняков обзаводятся винными погребами, чтобы

травить себя и гостей, а я создам уникальные термы, Каракаллы в миниатюре, чтобы радовать ими своих друзей.

— И подруг...

— Ни в коем случае. Вы не видели картин Энгра. Нет ничего более отталкивающего, чем дамы академической полноты, плавающие в *tepidarium*. Как бы надушен и музыкален ни был воздух, нет ничего, что могло бы избавить от их дурного запаха. Женщины ужасно ранят обоняние. Это их большой недостаток!

Он наконец дошел до первого зала. Было бы преувеличением сказать, что его мощное тело требовало жара, чтобы с облегчением сбросить с себя лишние жир и воду. Отнюдь. Его восемьдесят шесть килограмм веса прекрасно укладывались в метр восемьдесят сантиметров роста. Он любил турецкие и римские бани по другим причинам. Во-первых, за неполных два десятилетия вдалеке от Финляндии он перенял привычки южных народов. Во-вторых, финская баня не прижилась в местной среде. В-третьих, финские бани будили в нем давно забытое чувство национальной идентичности, несовместимое с его ненавистью. Он любил свою страну не так, как основная масса его соотечественников, а с истинным чувством патриотизма, синтезированного из декантированного осадка великой всеобщей любви. Но основной причиной были плоскостопие и стержневые мозоли. Чудовищная, ничем не заслуженная кара в виде плоскостопия и мозолей!

«Задумывались ли вы когда-нибудь, — часто спрашивал он, — о том рисунке, том узоре, той сети,

которые вычерчивают и сплетают ваши ноги при ходьбе день ото дня, год за годом, в течение всей жизни? Конечно же нет. Нормальные люди не обращают внимания на то, из чего состоит их нормальность».

Оп Олооп часто размышлял на эту тему. Больные ноги заставляют мозг без конца думать о пятках. Все дороги становятся разбитыми. И человек преисполняется слез и бесполезных рецептов.

Статистик прекрасно знал, что боль в ногах может быть следствием инфекционного поражения зубных альвеол или миндалин. И, на всякий случай, удалил последние, а затем заменил большую часть зубов на искусственные. Был осведомлен о том, что неправильная обувь приводит к плохой осанке, патологическим изменениям стопы и, впоследствии, недостаточности кровообращения, несварениям, анемии, болям в спине, ревматизму, нарушениям работы почек, бессоннице и слабости в ногах. И потому, также на всякий случай, проводил в физиотерапевтических целях целые дни босиком у себя дома. Но его патология, как и у некоторых демократий, имела конституционный характер. Это подтверждала целая коллекция отпечатков стопы, которые снял с него ортопед, чтобы выписать Олоопу серию бесполезных протезов.

«Ортопедия, — утешал он себя, растирая стопы при сорокавосемиградусной температуре, — это обман, недостойный нашего внутреннего совершенства. Что с того, что тебе приходится хромать, как калекке, если ты все равно никогда не сможешь разбудить в своем мозгу клетки, что отвечают за

потерянные чувства? Лазарь был велик, пока лежал неподвижным и безмолвным. Знаем ли мы хоть что-нибудь о том, куда он побегал после чуда? Да и что есть чудо, как не Божественная ортопедия? Главное — это не стать инвалидом духа, ведь тогда вся психология жизни покрывается плесенью добровольного отречения. Желания становятся хромыми, убеждения — колченогими... И сколько бы тростей и костылей нам ни предлагали надежда и мудрость, любое дело будет брошено нереализованным на середине пути. И решить задачу жизни за время существования станет невозможно».

Обильно пропотев в первом зале, он почувствовал слабость мысли и членов, так часто отпугивающую новичков. Тогда он положил на затылок намоченный холодной водой платок, закрыл веки, упавшие, как деревянные жалюзи, и предался размышлениям. Ему хотелось отгородиться от ощущения, что больные стопы тянут все его существо на путь преждевременной старости. Культура старит людей. Она ставит в рамки юношескую непосредственность, лепит по своим лекалам взрослого человека и заставляет его следовать строгим нормам. Нет большего раба, чем идолопоклонник свободы, превозносимой современной культурой! Чувственная восприимчивость Опа Олоопа, ущербная из-за физической патологии, не могла не сказаться на складе его ума, ведь все в человеке взаимосвязано и переплетено. Если, конечно, ты не варвар, не какой-нибудь футболист или марафонец, чьи ноги ценятся за выносливость и неприхотливость!